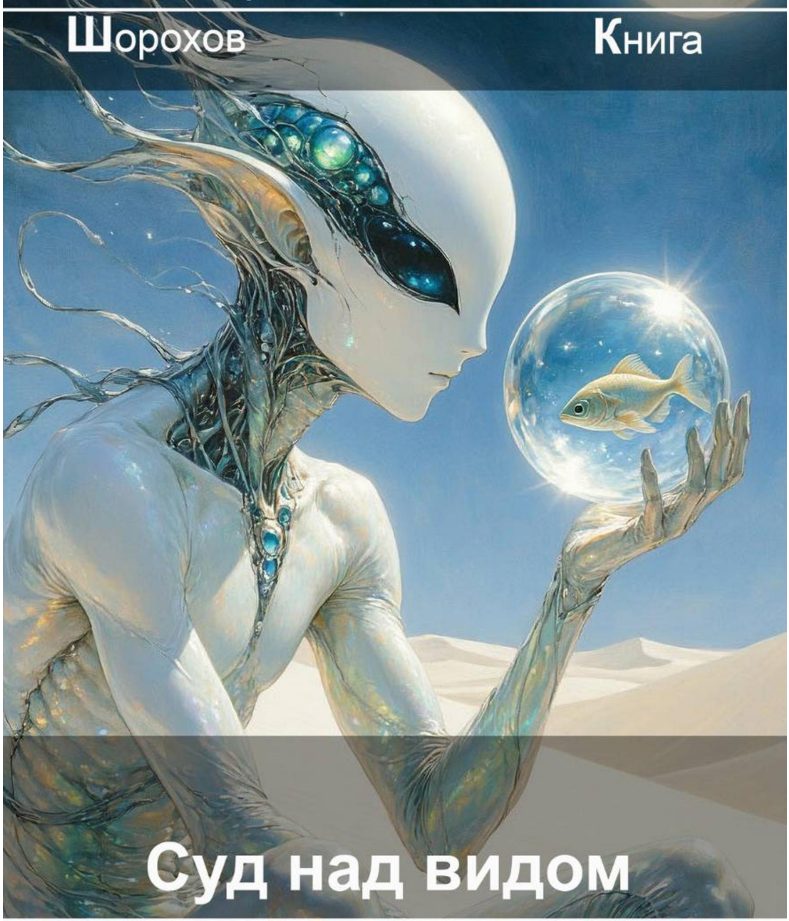
Владимир Шорохов

Книга 5

Суд над видом

Я мыслю, следовательно, существую

Владимир Шорохов
Суд над видом

https://litres.ru/74826563
SelfPub; 2026

Аннотация

Паромщик Глеб уверен: гигантская капля над Ветлугой — проделки богатых дачников.

Но голос, звучащий из воды, сосен и телефонов, вызывает человечество на суд. Защищать вид назначена Алёна, учительница литературы из школы при колонии.

У неё нет ни речи, ни презентации. Есть только восемь лет работы с людьми, которые знают цену вине.

И вопрос, который никто не задал вовремя: чем платят за оправдание?

В этой книге каждая история заканчивается не там, где ждёшь.

Содержание

Суд над видом 5
Девочка из памяти 21
Зачем мы здесь 33
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Владимир Шорохов
Суд над видом

Суд над видом

Над Ветлугой висел туман, плотный, как сметана в деревенской крынке. Паром «Ласточка» шёл к левому берегу, где у сосен прятался посёлок Красный Яр. Солнце только поднималось, и вода у бортов казалась розовой.

Глеб Корнилов стоял у штурвала в старой брезентовой куртке, на которой не осталось ни одной целой пуговицы. Высокий, сутуловатый, с выгоревшей бородой и смешливыми морщинами у глаз, он походил на человека, которого жизнь много раз била, но так и не убедила перестать улыбаться. Паромщиком он работал двенадцатый год и знал на реке каждую мель.

— Пассажир, предъявите билет! — гаркнул он через плечо.

— У меня абонемент, — отозвалась Алёна. — Пожизненный. Оформлен в загсе.

Она сидела на скамье у борта и проверяла сочинения. Худая, прямая, с короткой тёмной стрижкой и серыми внимательными глазами, Алёна напоминала карандаш: заточенная, чёткая, без лишнего. Восемь лет она преподавала литературу в школе при исправительной колонии, и её ученикам было от девятнадцати до пятидесяти.

— Что там твои уголовники пишут? — спросил Глеб.

— Не уголовники, а осуждённые. Тема: «Кто виноват в

судьбе Раскольникова».

— И кто?

— Шестаков пишет, что старуха. Нечего было деньги в сундуке держать.

Глеб захохотал так, что с перил вспорхнула трясогузка.

— Логично! Я бы ему пятёрку поставил.

— Поэтому ты возишь коров через реку, а не учишь людей, — Алёна чиркнула красной ручкой. — Двойка. С пометкой «поговорить».

Паром мягко ткнулся в причал. На берегу ждали трактор с прицепом, две бабушки с вёдрами и рыжий пёс. Глеб начал крутить лебёдку и вдруг замер.

— Алён. Ты это видишь?

Над рекой, метрах в трёхстах выше по течению, висела капля. Огромная, с девятиэтажный дом, прозрачная и неподвижная. Внутри неё медленно переливалось что-то похожее на свет, пролитый в воду.

Туман вокруг капли не двигался. Вода под ней застыла, будто стекло. Даже течение огибало это место стороной.

— Дачники, — уверенно сказал Глеб. — Опять из города со своими дронами. В прошлом году один на мою крышу сел.

— Глеб, дроны так не умеют.

— Значит, богатые дачники.

Бабушки на берегу перекрестились. Рыжий пёс сел и тихо заскулил. Тракторист вылез из кабины и стоял с открытой бутылкой кефира, забыв про неё.

А потом заговорил воздух.

Голос шёл отовсюду сразу: из воды, из сосен, из телефона в кармане у Алёны, из старого радио в рубке. Он был ровный, бесполый и говорил по-русски без малейшего акцента.

— Вид, именующий себя «человек разумный», вызывается на суд Трибунала Сохранения. Обвинение предъявлено. Защитник определён. Корнилова Алёна Викторовна, вы назначены защищать свой вид.

Глеб медленно повернулся к жене.

— Алён, — сказал он. — Ты в какой конкурс заявку подавала?

— Ни в какой.

— А грамота «Педагог года»? Я же говорил, не надо было её на сайт района выкладывать. Вот, прочитали.

Алёна не ответила. Телефон у неё в руке разрывался: пятнадцать пропущенных за минуту. Она глянула на экран и нажала на первый попавшийся вызов.

— Тим? Ты новости видишь?

— Алёнка, ты где?! — брат кричал так, что Глеб слышал каждое слово. — Это по всем каналам! По всем! Твоё имя на сорока языках! В Токио, в Лиме, везде!

— Я на пароме.

— На каком пароме?! Тебя весь мир ищет! Президенты звонят в никуда, а эта штука отвечает только: «Защитник определён»!

Глеб наклонился к телефону.

— Тимофей, вы там главное не паникуйте. Мы сейчас разберёмся. Может, ошибка. Может, они другую Корнилову искали, из Саратова.

— Глеб, она там одна с таким именем-отчеством на всю Землю! Они это уже сказали!

Связь оборвалась. На экране всплыл новый вызов: «Людмила Фёдоровна». Алёна протянула телефон мужу.

— Твоя.

Глеб взял трубку, и улыбка его стала чуть шире, чем нужно.

— Мам, привет. Да, видел. Нет, не шучу. Да, Алёна. Нет, она не виновата, её назначили. Мам, ты таблетки выпей и сядь.

Алёна взяла телефон обратно.

— Людмила Фёдоровна, вы только не волнуйтесь. Вы Барсика покормите, если мы задержимся? Корм в шкафу, на нижней полке.

В трубке что-то ответили сквозь всхлипы. Алёна кивнула, будто свекровь могла это видеть, и отключилась.

Капля над рекой дрогнула. От неё к парому протянулась дорожка света, тонкая, как леска. Голос снова заговорил:

— Защитнику разрешён один спутник. Суд начинается.

— Я спутник, — сказал Глеб быстро. — Я, я, я! Я хоть и не Гагарин, но тоже на «г».

— Глеб, ты не обязан.

— Алёна Викторовна, — он взял её за руку, — я двена-

дцать лет вожу людей с берега на берег. Неужели я жену на другой берег один раз не перевезу?

Свет накрыл их обоих.

Зал суда оказался равниной. Под ногами лежал белый песок, мелкий, как мука, а над головой висело небо цвета разбавленного молока, без солнца и облаков. Вдалеке поднимались горы, похожие на застывшие волны.

Посреди равнины стояли трое судей. Они напоминали журавлей, только ростом с колокольню и словно отлитых из стекла. Внутри у каждого медленно кружились огоньки, как искры в остывающем костре.

Слева от них возвышалась фигура обвинителя. Серая, сутулая, закутанная во что-то вроде плаща из тумана. Лица у неё не было, только тёмный провал на месте головы.

— Ну, — шёпотом сказал Глеб, — судя по дизайну, нас тут не оправдают. Слишком мрачно. Где фонтанчик с водой, где кофемашина?

— Глеб.

— Молчу. Просто хочу заметить: у них даже стульев нет. Как в поликлинике.

Средний журавль наклонил голову. Голос шёл от него, но звучал по-прежнему отовсюду.

— Обвинение, изложите суть.

Обвинитель шагнул вперёд. И заговорил голосом, от которого Алёна вздрогнула. Это был не механический голос трибунала, а живой, хриплый, с низкими протяжными нота-

ми, похожими на песню кита.

— Вид «человек» за сорок тысяч лет истребил более восьмисот видов живых существ, — сказал обвинитель. — Морскую корову Стеллера съели за двадцать семь лет после открытия. Странствующих голубей, которых было три миллиарда, перебили до последнего. Последнюю голубку звали Марта. Она умерла в клетке.

Над песком возникло изображение: серая птица на жёрдочке, неподвижная, с потускневшим глазом.

— Вид убивает себе подобных, — продолжал обвинитель. — Миллионами. Вид знает, что отравляет свою планету, и продолжает. Вид строит оружие, способное уничтожить всё живое, и держит его наготове. Обвинение требует прекращения вида как угрозы для жизни в галактике.

Глеб присвистнул.

— Слушай, а он хорошо подготовился. У него, наверное, отличники в помощниках.

— Глеб, пожалуйста.

— Алён, я серьёзно. — Голос его чуть дрогнул. — Я серьёзно говорю: у нас нет даже презентации.

Средний журавль повернулся к Алёне.

— Защита. Вам предоставляется слово.

Алёна сделала шаг вперёд. Песок мягко хрустнул под кроссовками. Она открыла рот и заговорила так, как всегда говорила на открытых уроках, ровно и чётко:

— Уважаемый суд. Человечество создало Девятую сим-

фонию Бетховена. Человечество написало «Войну и мир». Мы лечим болезни, мы отправляем зонды к звёздам, мы…

Она осеклась.

— Продолжайте, — сказал журавль.

— Подождите.

Алёна замолчала. Глеб смотрел на неё, не понимая. Она повернулась к нему, и он увидел у неё на лице то выражение, какое бывало, когда она проверяла особенно трудное сочинение.

— Глеб, — сказала она тихо. — Я знаю этот голос.

— Какой?

— Свой. Я сейчас говорю, как Шестаков на комиссии по УДО.

— Алён, я не понимаю.

— Каждый раз, когда кто-то из моих выходит на условно-досрочное, — заговорила она быстро, — он встаёт перед комиссией и говорит: «Я хорошо работал, я прочитал сорок книг, у меня грамота за самодеятельность». И комиссия кивает. А потом через полгода он снова у нас.

— И что?

— А Рябинин никогда так не говорил. Помнишь Рябинина? Который в ДТП человека сбил?

— Который тебе табуретку сделал?

— Да. Он встал и сказал: «Я убил человека. Я был пьян. Я это знал, когда садился за руль. Мне нет оправдания». Его отпустили. И он не вернулся. Он сейчас в хосписе санитаром

работает.

Глеб потёр бороду.

— Алён. Ты сейчас хочешь сказать, что мы должны…

— Признать.

— Всё?

— Всё.

Он посмотрел на неё долго. Потом вздохнул и поднял руки, сдаваясь.

— Ну, хоть я и паромщик, а не адвокат, но, по-моему, это самая странная линия защиты в истории. Давай. Я буду аплодировать.

Алёна развернулась к судьям.

— Уважаемый суд. Защита отзывает предыдущее заявление.

Журавли не шелохнулись. Огоньки у них внутри замедлились.

— Защита признаёт вину вида «человек». По всем пунктам обвинения.

По равнине прошла рябь, словно сам песок вздрогнул. Обвинитель медленно повернул к ней тёмный провал своего лица.

— Защита понимает последствия? — спросил средний журавль.

— Понимает. И хочет дополнить обвинение.

— Дополнить?

— Да. Обвинитель забыл несколько пунктов.

Глеб схватился за голову.

— Алёна, ты что творишь?! Они же нас и так сейчас закроют!

— Тихо, — сказала она, не оборачиваясь. — Обвинитель упомянул голубку Марту. Но не сказал, что люди сначала сделали из её вида развлечение. Стреляли в стаи на спор, кто больше. Это не голод. Это забава.

Она шагнула ближе к судьям.

— Обвинитель упомянул войны. Но не сказал, что мы научились находить им красивые названия. Мы называем их «освобождением», «защитой», «наведением порядка». Мы врём себе, пока убиваем. Это хуже, чем просто убивать.

— Продолжайте, — сказал журавль, и в его голосе впервые за весь суд проскользнуло что-то живое.

— Обвинитель не сказал, что я сама виновата. Я покупаю одежду, которую шьют дети в странах, куда я никогда не поеду. Я знаю об этом. Я продолжаю. Мой муж каждую весну видит, как в реку сливают отходы с фермы выше по течению. Он знает. Он молчит, потому что хозяин фермы его кум.

Глеб открыл было рот, но промолчал. Потом кивнул.

— Правда, — сказал он громко. — Сливают. Я молчу. Виноват.

Обвинитель шагнул назад. Его туманный плащ заколыхался.

— Защита, — проговорил он своим китовым голосом, — зачем вы это делаете?

Алёна повернулась к нему.

— Потому что вы прокурор, а я учитель. Вы считаете, что вид, который убивает, надо прекратить. А я восемь лет работаю с людьми, которые убивали. И я знаю одну вещь.

— Какую?

— Опасен не тот, кто виноват. Опасен тот, кто не знает о своей вине. Или знает и оправдывается. А вид, который способен встать перед вами и сказать: «Да, это сделали мы, и вот ещё список того, чего вы не нашли», — это вид, который может измениться.

Она глубоко вдохнула.

— Мы не лучше, чем вы о нас думаете. Мы хуже. Но мы это знаем. И пока хоть один человек на Земле это знает, нас есть за что оставить.

Тишина на равнине длилась долго. Огоньки в стеклянных телах журавлей кружились всё быстрее, сливаясь в сплошное сияние. Глеб подошёл к жене и встал рядом, плечом к плечу.

— Ну ты дала, — шепнул он. — Я теперь понимаю, почему твои зэки тебе табуретки делают.

— Осуждённые.

— Да хоть академики. Ты бы видела лицо этого прокурора.

— У него нет лица.

— Вот именно. Ты его стёрла.

Алёна впервые за весь суд улыбнулась. Глеб сжал её пальцы.

Средний журавль выпрямился.

— Трибунал рассмотрел дело. Вид «человек разумный» признаётся виновным. Вина признана защитой. Вина принята трибуналом. Вид не прекращается.

Глеб подпрыгнул так, что песок взлетел облаком.

— Да-а-а! Алёна! Мы выиграли! Мы не прекращаемся! Тимофею позвоню, скажу, чтоб шампанское открывал! Мам… мама с ума сойдёт!

Он схватил жену в охапку и закружил. Алёна смеялась, уткнувшись ему в плечо. И вдруг замерла.

— Глеб. Подожди. Поставь меня.

— Что такое?

— Они не договорили.

Журавль действительно продолжал говорить. Тише, но отчётливо:

— Принятая вина требует носителя. Признавший вину несёт её. Носитель занимает место обвинителя на срок до следующего суда.

Глеб опустил Алёну на песок.

— Это что значит? Какого носителя? Алён, это что, мелкий шрифт?

Алёна не отвечала. Она смотрела на обвинителя. Серая фигура стояла неподвижно, и туман её плаща медленно стекал на песок, обнажая что-то под ним.

Под плащом было тело. Не человеческое: длинное, гладкое, с короткими ластами и складками серой кожи. Огром-

ное, усталое, древнее.

— Глеб, — проговорила Алёна странно спокойным голосом. — Ты понимаешь, чьим голосом он говорил?

— Китовым каким-то.

— Нет. Это морская корова. Последняя. Её вид истребили люди. И вот она здесь. Обвинитель.

— И что?

— А до неё? Кто был обвинителем до неё?

Глеб молчал. Алёна заговорила быстрее, будто решала задачу у доски:

— Подумай. Трибунал судит виды. Кто-то признаёт вину. Признавший становится обвинителем. И судит следующий вид. И следующий. И так тысячи лет. Это не суд, Глеб. Это конвейер.

— Алён…

— Почему они выбрали меня? Не президента. Не учёного. Учительницу из колонии. Они знали. Они знали, что я так скажу. Они изучили мою работу. Они выбрали не защитника. Они выбрали того, кто подпишет признание.

— Подожди, подожди! — Глеб схватил её за плечи. — Это бред! Это ты сейчас придумала!

Серое существо повернулось к ним. Оно больше не было обвинителем: плащ сполз с него до конца, и под ним открылись тысячи тонких шрамов, будто следы от гарпунов. Оно заговорило снова, тихо и печально:

— Я признала вину своего вида. Мы ели водоросли и не

умели прятаться. Это была наша вина. Я сказала: «Да, мы слабы, мы виноваты». Меня оставили. Мой вид — нет. Его уже не было. А я стою здесь. Двести семьдесят ваших лет.

— Нет, — выдохнула Алёна.

— Я ждала вас, — сказало существо. — Защитник. Теперь моя очередь уйти.

Свет ударил с неба, ослепительный, белый. Он упал столбом на Алёну, и песок вокруг неё начал подниматься вверх, медленно, как снег, падающий наоборот.

— Алёна! — Глеб рванулся к ней, но наткнулся на стену света, твёрдую, как лёд. — Нет! Нет! Отпустите её!

— Глеб!

— Я виноват! — заорал он, колотя кулаками по сиянию. — Слышите?! Я тоже признаю! Я молчал про ферму! Я браконьерам глаза закрывал за деньги! Берите меня! Меня берите!

— Признание принято от защитника, — спокойно ответил журавль. — Носитель определён.

— Да вы что творите?! — Глеб кричал так, что срывался голос. — Она же вас спасла! Она весь мир спасла! Это так у вас платят?!

Алёна стояла внутри столба. Песок уже поднимался ей до колен, и кроссовки исчезли в белом вихре. Она смотрела на мужа, и лицо у неё было белым.

— Глеб! Глеб, послушай! — Голос её звенел от страха. — Я не хочу! Я не хочу так! Я думала, это правильно!

— Это правильно! Ты правильно сделала!

— Тогда почему я здесь?!

Песок поднялся до пояса. Алёна попыталась вырваться, но свет держал её, как держит вода утопающего.

— Глеб, я не вижу ног! Я их не чувствую! Глеб!

— Алёна-а-а!

Он бил по свету, пока кожа на руках не лопнула. Кровь падала на белый песок и тут же исчезала, впитываясь без следа. Морская корова тихо опустилась рядом с ним, огромная и неподвижная, и её глаз, тусклый, как у голубки Марты, медленно погас.

— Сколько?! — орал Глеб журавлям. — Сколько она там будет?! До следующего суда — это сколько?!

— Следующий вид, способный к суду, появится через четыреста — шестьсот тысяч ваших лет, — ответил журавль.

Глеб упал на колени.

— Нет… Нет, нет, нет…

— Глеб! — Голос Алёны становился глуше, словно доносился из-под воды. — Скажи Тиму! Скажи Людмиле Фёдоровне… Барсика… Шестакову двойку исправь… Пусть перепишет… Глеб, мне страшно! Мне так страшно!

— Я здесь! Я здесь, Алёнка! Я никуда не уйду!

— Защитнику разрешён один спутник, — произнёс журавль. — Спутник возвращается.

— Нет! — Глеб вцепился в песок обеими руками. — Я остаюсь! Слышите?! Я остаюсь с ней!

Свет поднял его и понёс прочь. Последнее, что он увидел, была серая фигура в плаще из тумана, выросшая на месте его жены. Без лица. С тёмным провалом там, где только что были серые внимательные глаза.

И голос, тихий, знакомый, учительский:

— Глеб… я тебя вижу… Я всё вижу… Я теперь вижу всё, что мы сделали…

Паром «Ласточка» качался у причала Красного Яра. Туман над Ветлугой рассеялся. Капля исчезла.

Бабушки с вёдрами стояли на берегу. Тракторист по-прежнему держал бутылку кефира. Рыжий пёс выл.

Глеб лежал на палубе лицом вниз, и руки его были в крови. Рядом валялась красная ручка и стопка сочинений, раскиданных ветром.

Он поднялся. Посмотрел на скамью у борта. Пустую.

— Алёна! — закричал он над рекой. — Алёна-а-а!

Телефон у него в кармане зазвонил. На экране высветилось: «Тимофей».

— Глеб! — орал брат жены. — Глеб, она исчезла! Капля исчезла! По всем каналам говорят: «Вид оправдан»! Мы живы! Где Алёна?! Дай ей трубку!

Глеб смотрел на небо, бледное, без единого облака. Он попытался пошутить, как шутил всегда, когда было трудно. Открыл рот. Слова не шли.

— Тимофей, — наконец выдавил он. — Вы только… Вы только сядьте.

— Что?! Где она?! Глеб, где она?!

— Она… — Глеб засмеялся, страшно и коротко, и тут же захлебнулся. — Она на работе. Она теперь на работе, Тимофей! На полмиллиона лет! Она там одна! Одна!

— Глеб, ты о чём?! Глеб!

Он выронил телефон за борт. Ветлуга проглотила его без всплеска.

Ветер подхватил верхнее сочинение и понёс над водой. Глеб успел прочитать строчку, выведенную корявым почерком Шестакова: «Виноват тот, кто первый признался. Остальные просто ждут своей очереди».

И над рекой разнёсся его крик.

Автор: Владимир Шорохов 2026

Девочка из памяти

В субботу утром в квартире Морозовых пахло блинами и победой. Кирилл стоял посреди кухни в фартуке с надписью «Шеф всегда прав» и размахивал лопаткой, как дирижёрской палочкой. Ему было тридцать восемь. Широкоплечий, с мягкой рыжеватой бородой и тонким белым шрамом над левой бровью, он умел заполнить собой любую комнату.

— Внимание, экзамен! — объявил он. — Семь на восемь?

— Пятьдесят шесть, — Соня даже не подняла головы от тарелки.

— Девять на шесть?

— Пятьдесят четыре. Пап, ну это же скучно.

Кирилл картинно схватился за сердце и рухнул на табуретку. Яна засмеялась и подлила дочери сгущёнки. Ещё неделю назад Соня плакала над таблицей умножения, а теперь щёлкала её, как семечки.

— Всё, — Кирилл отдышался. — Решено. Через месяц она заполняет за меня налоговую декларацию. Через два ведёт переговоры с банком по ипотеке.

— А через три уходит от нас, потому что мы для неё слишком глупые, — подхватила Яна.

— Я не уйду, — серьёзно сказала Соня. — Вы смешные.

Ей было девять. Худенькая, светловолосая, с острым подбородком и серыми глазами, которые смотрели на мир вни-

мательно и чуть исподлобья. Она росла тихой, в отца не пошла. Яна иногда думала, что дочь похожа на неё саму: тоже всё замечает и молчит, пока не будет уверена.

Нейрообруч «Отличник» лежал на подоконнике, в солнечном пятне. Тонкая матово-серая дуга с тремя голубыми огоньками. Кирилл принёс его в пятницу две недели назад, сияющий, как новогодняя ёлка.

— Ты хоть скажешь, сколько он стоил? — спросила Яна, когда Соня ушла чистить зубы.

— Яночка, есть вещи, которые жене знать не положено. — Кирилл подмигнул. — Например, сколько стоит счастье ребёнка и где я прячу заначку.

— Кирилл.

— Недорого. Честно. Повезло.

Он поцеловал её в макушку и пошёл мыть сковородку, насвистывая. Яна посмотрела в окно. Внизу, во дворе новостройки на окраине Твери, дворник сгребал в кучи жёлтые листья клёнов, и ветер тут же разносил их обратно.

Первый рисунок Яна нашла во вторник, в школьном рюкзаке. Акварель, неумелая, но старательная. Деревянный дом с зелёной крышей, слева от крыльца кривая яблоня, справа колодец с журавлём. У забора стояла синяя бочка, а на бочке сидела рыжая собака с белым пятном на груди.

— Сонь, это что за дача? — Яна держала лист двумя пальцами.

— Наша.

— У нас нет дачи, зайка. У бабушки Тани огород, но там дом кирпичный.

Соня пожала плечами и забрала рисунок.

— Ну, значит, будет, — сказала она и унесла лист в комнату.

Яна решила не придавать значения. Дети фантазируют. Яна сама в детстве три месяца рассказывала подругам про пони, который живёт у неё на балконе.

Через два дня рисунков было уже пять. Тот же дом, та же яблоня, та же синяя бочка. На одном листе у крыльца стоял сарай с перекошенной дверью, а возле сарая была нарисована чёрная машина. На другом рыжая собака лаяла, а над ней красным карандашом было выведено: «ТОША».

— Кто такой Тоша? — Яна присела на край кровати.

— Собака, — Соня рисовала, не отрываясь. — Он старый, у него лапа болит. Его надо кормить кашей с тушёнкой, а то он скулит.

— Сонечка, у нас никогда не было собаки.

Соня подняла глаза. В них было искреннее, почти обиженное удивление.

— Как не было? Мам, ты чего?

Ночью Яна проснулась от того, что кто-то тихо говорил в детской. Она прошла босиком по холодному ламинату и замерла в дверях. Соня сидела на кровати с обручем на голове, огоньки мерцали голубым, а глаза дочери были закрыты.

— Тоша, — шептала Соня. — Тоша, иди сюда. Тоша, не

лай, папа рассердится.

Яна сорвала обруч одним движением. Соня вздрогнула, открыла глаза и заплакала, как плачут совсем маленькие дети, захлёбываясь.

— Тише, тише, я здесь, — Яна прижала её к себе.

— Он не пришёл, — всхлипывала Соня. — Тоша не пришёл, а я звала.

В дверях появился Кирилл, помятый, в одних шортах. Он посмотрел на обруч в руке жены, потом на дочь. На долю секунды его лицо стало каким-то пустым, без выражения, как выключенный экран.

— Что случилось? — спросил он.

— Она разговаривала во сне. Звала собаку. Кирилл, этот обруч что-то делает с ней.

— Ой, да брось. — Он зевнул, но зевок вышел ненастоящим. — Ей просто снится то, чего она хочет. Хочет собаку. Купим собаку, назовём Пифагор. Будет таблицу умножения лаять.

Шутка повисла в темноте. Никто не засмеялся.

Утром, когда Кирилл уехал на работу, Яна позвонила в сервисный центр производителя. Девушка на линии долго молчала, потом попросила продиктовать серийный номер ещё раз.

— Это устройство первой серии, — сказала она наконец. — Их выпускали восемь лет назад и отозвали через год. Пробная модель с функцией глубокой записи. Оно было за-

регистрировано на другого владельца.

— На кого?

— Я не имею права разглашать. Но могу сказать, что у вас его быть не должно. Устройство числилось утерянным.

Яна положила трубку. Руки были ледяные. Она открыла приложение обруча на планшете, нашла раздел «Профили» и увидела то, чего раньше не замечала: под профилем «Соня» был второй, серый, неактивный. «Лиза В., 9 лет». Дата последней синхронизации: двенадцатое октября, семь лет назад.

Вечером она дождалась, пока Соня уснёт, и положила обруч на стол перед мужем.

— Где ты его купил?

— Яна, ну я же говорил. С рук.

— У кого? Имя, телефон, адрес. Объявление.

Кирилл откинулся на спинку стула и улыбнулся своей фирменной улыбкой, от которой у неё раньше подгибались колени.

— Мужик какой-то на «Авито». Я что, паспорт у него должен был спросить? Объявление удалено, номер не сохранил. Ну ты прямо следователь. Майор Морозова, разрешите доложить!

— Он был в розыске, Кирилл. Этот обруч числился утерянным. Девочка, на которую он был зарегистрирован, пропала семь лет назад. Я нашла в интернете. Лиза Воронова, Старицкий район.

Кирилл перестал улыбаться. Потом снова улыбнулся, но уголки губ дрожали.

— Ну вот видишь, какая жуть. Украли, перепродали. Хорошо, что я не знал, а то бы спать не мог. Давай его выкинем, и всё.

— Выкинем? — переспросила Яна.

— Ну или сдадим. Как скажешь. Чего ты так смотришь?

Ночью она не спала. Лежала рядом с мужем, слушала его ровное дыхание и думала. Он покупает подержанный прибор без документов. Он, который проверяет срок годности у кефира и требует чек за каждую лампочку. Он не называет продавца и предлагает выкинуть единственную улику.

Яна заставила себя думать дальше. Старицкий район. Семь лет назад. Они с Кириллом познакомились шесть лет назад. О прошлом он рассказывал мало и всегда с шутками: «Был молод, глуп и ездил на "девятке"». Однажды мимоходом обмолвился, что жил какое-то время «с одной женщиной, у неё ребёнок был, не сложилось».

Утром, пока Кирилл брился, она сидела с Соней за завтраком. Дочь размазывала кашу по тарелке.

— Сонь, а на той даче, которую ты рисуешь, кто-нибудь ещё был?

— Мама Марина. Но она редко. Она в городе работала.

— А ещё кто?

Соня положила ложку. Посмотрела на мать спокойно и как-то по-взрослому.

— Мама, а почему папа отвёз ту девочку на дачу и вернулся один?

У Яны пересохло во рту.

— Какую девочку?

— Меня. Тогда меня звали Лиза.

В ванной перестала литься вода. Яна медленно повернула голову. Кирилл стоял в дверях кухни с полотенцем на шее, и пена на его щеке медленно сползала вниз.

— Какой папа, Сонечка? — Голос Яны прозвучал чужим.

— Ну наш же, — Соня кивнула на отца. — У него и тогда шрамик был. Тоша его укусил, вот сюда.

Она дотронулась пальцем до своей левой брови.

Кирилл засмеялся. Громко, раскатисто, на всю кухню.

— Вот это фантазия! Вот это я понимаю, нейросети! Яна, она у нас писательницей будет. Стивен Кинг в юбке!

Яна встала, взяла обруч с подоконника и сунула его в свою сумку. Потом сняла с вешалки Сонину куртку.

— Одевайся, зайка. Поедем к бабушке Тане.

— Сейчас? А школа?

— Сегодня не пойдёшь.

Кирилл шагнул к ней. Улыбка ещё держалась на лице, но глаза уже не улыбались.

— Яна, ты что делаешь? Ты серьёзно веришь в эту чушь? Ребёнок насмотрелся мультиков, а прибор глючит.

— Отойди от двери, Кирилл.

— Да брось ты! Дай сюда обруч, я его сам отвезу куда

надо.

— Отойди от двери. Или я закричу так, что соседи вызовут полицию раньше меня.

Секунду они смотрели друг на друга. Потом он посторонился. Яна вывела дочь на лестничную клетку, не оглядываясь, и только в лифте поняла, что забыла надеть свои туфли и стоит в домашних тапочках.

Татьяна Сергеевна, мать Яны, жила в старом пятиэтажном доме в Конакове, у самого водохранилища. Из окна был виден серый, по-осеннему тяжёлый простор воды, а вдоль берега гнулись под ветром ивы. Мать была сухая, жилистая, с короткой седой стрижкой и привычкой задавать вопросы только по делу.

— Надолго? — спросила она, глядя на тапочки дочери.

— Не знаю, мама. Может, навсегда. Никому не открывай. Даже ему. Особенно ему.

— Поняла. — Татьяна Сергеевна взяла Соню за руку. — Пойдём, внучка, пельмени будем лепить.

Через три часа Яна сидела в кабинете следственного комитета в Твери. Следователь Глеб Андреевич Громов, грузный мужчина лет пятидесяти с аккуратно подстриженными седыми усами, крутил обруч в руках через полиэтиленовый пакет.

— Вы понимаете, что приносите мне дело семилетней давности? — спросил он.

— Я понимаю, что приношу вам свидетеля, — ответила

Яна. — Прибор записывал всё, что видела Лиза. Это вещественное доказательство. И он куплен с рук, без чека, без документов. Мой муж не может назвать продавца. Это ещё одна нить.

— Дело Вороновой я помню. — Громов положил пакет на стол. — Мать заявила о пропаже ребёнка через три дня. Сожитель матери утверждал, что отвёз девочку к подруге, а потом она якобы ушла сама. Сожитель потом уехал из региона. Фамилия у него была другая.

— Какая?

Громов открыл папку, полистал.

— Ермаков. Кирилл Олегович Ермаков.

Яна закрыла глаза.

— Мой муж взял мою фамилию при регистрации брака, — сказала она тихо. — Он говорил, что не любит свою. Что с ней связано неприятное детство.

Телефон зазвонил, когда эксперты уже подключали обруч к своему оборудованию. На экране высветилось: «Валентина Павловна». Свекровь.

— Яна! — голос был высокий, дрожащий от праведного гнева. — Ты что творишь? Кирюша мне позвонил, он в слезах! Ты увезла ребёнка, ты обвиняешь его чёрт знает в чём!

— Валентина Павловна, я сейчас в следственном комитете.

— Да ты с ума сошла! Мой сын мухи не обидит! Он святой человек! Он ту девчонку, Маринкину, как родную рас-

тил! А она неблагодарная была, сбежала, вот и всё. Он так переживал, что даже фамилию сменил, чтобы не трепали!

Громов, слышавший разговор по громкой связи, медленно поднял голову.

— Скажите, — произнёс он, наклонившись к телефону, — а дача у вашей семьи есть?

— А вы кто такой? Есть, конечно. Под Старицей, деревня Ивановское. Дом с зелёной крышей. А что?

Яна выложила на стол Сонин рисунок. Зелёная крыша. Яблоня. Колодец с журавлём. Синяя бочка.

— Там и собака была, — продолжала свекровь, не понимая, в какую яму проваливается. — Тошка. Кирюша его потом не забрал, оставил соседке. Злая псина, его однажды за бровь цапнула…

Громов нажал на сброс и встал.

— Машину, — сказал он в рацию. — Две группы. Ивановское, Старицкий район.

Звонок от матери пришёл в половине седьмого вечера, когда Яна уже ехала с Громовым по трассе. За окном мелькали чёрные мокрые поля и голые перелески.

— Яна, — голос Татьяны Сергеевны был сдавленным. — Я в магазин вышла на десять минут. Соседка сказала, что приезжал мужчина. Рыжий, с бородой. Сказал, что отец. Соня сама к нему вышла. Яна, она сама к нему вышла!

Яна не помнила, как закричала. Громов уже говорил в рацию номер машины Кирилла, а водитель включил мигалку.

— Он везёт её туда, — выдохнула Яна. — Туда же. Он везёт её на дачу!

Деревня Ивановское тонула в сумерках. Покосившиеся заборы, редкие огни, туман над рекой. Дом с зелёной крышей стоял на окраине, у самого леса, и у крыльца горбилась старая яблоня.

Чёрная машина Кирилла стояла у сарая с перекошенной дверью. В свете фар Яна увидела мужа. Он стоял возле колодца и держал Соню за плечо. Соня не плакала. Она смотрела куда-то в сторону яблони.

— Кирилл Ермаков! — крикнул Громов. — Отпусти ребёнка! Руки!

Кирилл обернулся, сощурился от света и вдруг улыбнулся.

— Ну что вы так официально, — сказал он. — Приехали с дочкой подышать воздухом. Это что, теперь преступление?

Из-за соседского забора, хрипя и задыхаясь, вывалился старый рыжий пёс с белым пятном на груди. Он хромал на заднюю лапу. Он бросился к Кириллу с таким утробным, ненавидящим рыком, что тот отшатнулся и выпустил Сонино плечо.

Яна рванулась вперёд и схватила дочь. Оперативники повалили Кирилла лицом в мокрую траву. Он больше не шутил. Он мычал, как раненый зверь.

— Тоша, — прошептала Соня, глядя на собаку. — Тоша, ты меня узнал.

А потом она подняла руку и показала на яблоню.

— Мама, — сказала она очень спокойно. — Лиза вон там. Под яблоней. Папа сказал ей, что это будет игра в прятки. Она до сих пор ждёт, когда её найдут.

Яна закричала. Так страшно, что замолчал даже пёс. А из подъехавшей следом машины выскочила Валентина Павловна, увидела сына, лежащего в грязи под стволами, увидела яблоню, к которой уже шли люди с лопатами, и вдруг завыла, понимая, что все эти годы называла святым того, кого защищать было нельзя.

Автор: Владимир Шорохов 2026

Зачем мы здесь

Снегоход ревел, как обиженный медведь, и подпрыгивал на застругах. Глеб Ростовцев гнал его по тундре так, будто за ним гналась налоговая. Позади, вцепившись в его куртку, подпрыгивала Ульяна и что-то кричала ему в ухо.

— Ты нас убьёшь раньше, чем мы его найдём! — Ульяна стукнула мужа кулаком в варежке по спине.

— Зато красиво! — Глеб обернулся, сверкнув зубами из рыжей бороды. — «Супруги Ростовцевы погибли при погоне за небесным камнем». Да про нас песни сложат, Уля!

— Песни сложат про то, как я тебя закопаю в сугроб!

Над Хибинами догорал короткий мартовский день. Горы стояли белые, тяжёлые, с синими тенями в распадках, а над ними расползался по небу дымный след. Ровно двадцать минут назад этот след прочертил небо от горизонта до горизонта и оборвался где-то за озером Имандра.

Глеб был метеоритным поисковиком. Не учёным в кабинете, а настоящим охотником: двенадцать лет он мотался по пустыням, болотам и тундре, выкапывая из земли осколки чужих миров. Здоровенный, широкоплечий, с вечно обветренным лицом и смешливыми морщинами у глаз, он больше походил на викинга, который перепутал эпоху. Кто видел его впервые… впрочем, кто видел его хоть раз, запоминал прежде всего громкий голос и привычку шутить в любой си-

туации.

Ульяна была его противоположностью. Тонкая, собранная, с тёмными волосами, стянутыми в тугой узел, и внимательными серыми глазами, она работала биоакустиком на морской станции под Териберкой. Шесть лет она расшифровывала щелчки и свисты белух, составляла их «словарь» и верила, что любой сигнал можно понять, если слушать достаточно долго.

— Стоп! — Ульяна дёрнула мужа за плечо. — Глеб, левее! Видишь?

Снегоход заглушил мотор, и тундра обрушилась на них звенящей пустотой. Впереди, у подножия скального выступа, снег был взрыт глубокой бороздой. Борозда тянулась метров на сорок и заканчивалась воронкой, над которой поднимался пар.

Они шли к воронке медленно, проваливаясь по колено. Глеб держал наготове металлоискатель, Ульяна — свой полевой рекордер, с которым не расставалась даже в отпуске. Чем ближе они подходили, тем отчётливее слышался низкий гул.

— Слышишь? — Ульяна остановилась. — Это не остывание металла. Это ритм.

— Уля, это камень. Камни не ритмичные. Камни — самые скучные ребята во Вселенной.

— А этот поёт.

В воронке лежал не камень. Объект был размером с холо-

дильник, вытянутый, гладкий, матово-чёрный, словно вырезанный из застывшей ночи. По его поверхности пробегали тонкие голубоватые линии, похожие на прожилки в листе. Снег вокруг него растаял, обнажив мокрый мох и гранит.

Глеб присвистнул и сдвинул шапку на затылок.

— Ну всё, Уля. Я больше не охотник за метеоритами. Я теперь охотник за чужими холодильниками.

— Не трогай его.

— Я и не собирался! — Глеб убрал руку, которая уже тянулась к гладкому боку. — Ладно, собирался. Но культурно.

Ульяна опустилась на колени у края воронки и включила рекордер. На маленьком экране заплясала спектрограмма. Она смотрела на неё долго, и Глеб видел, как у неё сдвигаются брови.

— Глеб, это структура.

— В смысле?

— В прямом. Повторяющиеся блоки, паузы, изменение высоты. Как у белух, когда они представляются друг другу. Это сообщение.

Гул изменился. Голубые линии на корпусе вспыхнули ярче, и у Ульяны в кармане пискнул телефон. Потом пискнул телефон Глеба. Потом рация на поясе зашипела помехами.

— Он сканирует нашу технику, — прошептала Ульяна. — Смотри, частоты прыгают. Он ищет, на каком канале мы говорим.

— Скажи ему, что у нас тариф «Безлимитный», пусть не

стесняется.

— Глеб!

— Что? Я пытаюсь наладить межпланетные отношения!

Из динамика рации раздался треск, затем голос. Ровный, бесполый, составленный из обрывков чужих голосов. Ульяна узнала в нём интонацию диктора прогноза погоды, кусочек рекламы и, кажется, смех ребёнка из чьего-то видео.

— Вид обнаружен. Носитель обнаружен. Начинаю сверку назначения.

Глеб медленно опустил металлоискатель.

— Уля. Он разговаривает.

— Я слышу.

— Он разговаривает голосом дяди, который продаёт пластиковые окна.

— Глеб, помолчи хоть минуту!

Сзади раздался рёв второго снегохода. Из-за скалы вылетела машина, развернулась, подняв веер снега, и с неё соскочила невысокая женщина в оранжевом пуховике. Вероника, младшая сестра Глеба, работала смотрителем законсервированной Кольской сверхглубокой скважины. Это была редкая и странная должность: следить за приборами над самой глубокой дырой, которую человечество когда-либо проделало в собственной планете.

Вероника была похожа на брата: те же рыжие волосы, тот же упрямый подбородок. Но если Глеб был широким и шумным, то она — жилистой, резкой, с быстрыми движениями

человека, который привык полагаться только на себя.

— Глеб! — крикнула она, ещё не добежав. — Ты видел, что эта штука сделала с моими датчиками?

— Привет, сестрёнка. Я тоже рад тебя видеть. Как дела, как здоровье?

— Не до шуток! — Вероника остановилась у воронки и уставилась на объект. — Это… это что?

— Это наш новый друг. Говорит голосом продавца окон. Зовут пока никак, но я предлагаю Василий.

Ульяна поднялась с колен.

— Вероника, что с датчиками? Расскажите подробнее.

— Сейсмика взбесилась, Ульяна. Ровно в момент падения. Из скважины пошёл сигнал. Не шум, а именно сигнал, с глубины двенадцати километров. Будто там что-то… ответило.

Голубые линии побежали быстрее. Голос из рации зазвучал снова, теперь отчётливее, увереннее.

— Сверка завершена. Вид: человек. Создан для выполнения функции. Функция подтверждена.

Ульяна шагнула ближе к воронке.

— Какой функции? — громко спросила она. — Для чего создан человек?

Пауза. Ветер гнал позёмку по склону, и где-то далеко крикнула куропатка.

— Назначение вида человек: разрушение носителя.

— Носителя чего? — Глеб нахмурился.

— Носитель: планета. Третья от звезды. Вы называете её Земля.

Вероника отступила на шаг. Глеб коротко хохотнул, но смех вышел неестественным, натянутым.

— Ну приехали. Нас, значит, сделали, чтобы мы всё сломали. А я-то думал, зачем мне руки из такого места растут. Оказывается, это функция!

— Глеб, — тихо сказала Ульяна.

— Нет, Уля, ты послушай! Это ж гениально! Значит, когда я в детстве разобрал отцовский телевизор, я не хулиганил. Я выполнял космическое предназначение!

— Глеб, пожалуйста.

Он замолчал. Ульяна смотрела на мужа и видела, как у него дёргается жилка на виске. Она знала эту его привычку: чем страшнее было вокруг, тем громче он шутил.

Ульяна снова повернулась к зонду. Голос у неё был ровный, деловой, тот самый, которым она разговаривала с капризным оборудованием на станции.

— Кто нас создал?

— Хранители печати.

— Какой печати?

— Печать на носителе. Под корой. Глубина неопределима по вашим меркам.

— Что запечатано?

Зонд молчал дольше обычного. Голубые линии на корпусе начали медленно пульсировать, словно он подбирал слова.

— Запечатанное не имеет названия в вашем языке. Ближайшее понятие: голод. Голод, который ест звёзды.

Вероника присела на корточки прямо в снег.

— Глеб, — прошептала она, — ты слышишь, что он несёт?

— Слышу, Ника. Он несёт звёздный голод. У меня тоже такое бывает после смены, когда я три бутерброда за раз съедаю.

— Перестань!

— Не могу! — вдруг рявкнул Глеб, и голос его эхом отразился от скал. — Не могу перестать, понимаешь? Если я перестану, я начну думать!

Ульяна подошла к нему и взяла за руку. Его ладонь была горячей, несмотря на мороз. Она сжала её крепко, по-мужски.

— Тогда думать буду я. А ты держи меня. Хорошо?

Глеб кивнул. Ульяна вернулась к краю воронки и опустилась на колени, будто разговаривала не с машиной, а с испуганным зверем.

— Если вы хранители, зачем вам уничтожать планету? Это же жестоко.

— Не жестокость. Необходимость. Печать стареет. Если она откроется, запечатанное выйдет и поглотит эту звёздную систему. Затем соседние. Затем всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.